

Деревья в лесу были высокими и густыми, словно окружали Янь Сюя со всех сторон. Стволы тянулись вверх, к небу, а молодые побеги медленно пробивались из объятий сухих ветвей, будто приветствуя путника. Бабочки порхали, словно изящные духи, а пчёлы кружились вокруг улья на дереве, создавая одновременно шум и тишину.

Янь Сюй, неся оборудование, осторожно наклонился, медленно настраивая фокус. Композиция была идеальной: пчела только что села на цветок, а бабочка уже взлетела, разница составляла лишь мгновение — и он успел запечатлеть этот момент.

Усики бабочки слегка повернулись в сторону Янь Сюя, замерли на несколько секунд, а затем снова начали порхать.

Янь Сюй очнулся. Окно в спальне было широко раскрыто. Он встал с кровати, надел тапочки и пошёл в ванную, чтобы умыться холодной водой. Капли стекали по его лицу в раковину. Подняв голову, он увидел в зеркале отражение молодого мужчины — всё было как всегда, без изменений.

В тёмной комнате с тусклым светом безопасной лампы Янь Сюй достал из ванночки с закрепителем фотографии и развесил их сушиться. При тусклом свете он внимательно осмотрел каждую.

На одной из фотографий был запечатлён огромный след с тремя когтями, похожий на куриный, но увеличенный в сотни раз.

Сначала Янь Сюй подумал, что это чья-то шутка, но теперь, чем больше он смотрел, тем больше убеждался, что след не был подделкой.

Остальные фотографии не выделялись ничем особенным — это были просто красивые пейзажи: кусты, цветущие полевые цветы, случайно попавшие в кадр насекомые.

«Бам!» — снаружи раздался звук разбивающейся керамики.

Янь Сюй снял перчатки, осторожно открыл дверь и вышел. Звук доносился из кухни, и он примерно догадывался, кто его вызвал. Дверь на кухню была открыта, внутри никого не было, а из окна дул тёплый ветерок. Янь Сюй огляделся и нашёл виновника за холодильником.

Он вздохнул, присел на корточки и сказал в сторону холодильника:

— Выходи.

Холодильник слегка дрогнул.

— Я не буду ругаться, — пообещал Янь Сюй.

Тогда виновник, прятавшийся за холодильником, наконец показался. Это было нечто с гладкой головой и гладким телом — если смотреть с любой стороны, это было яйцо размером больше человеческой головы.

Но Янь Сюй отчётливо видел на этом яйце выражения осторожности, жалости и страха перед наказанием.

Дань-Дань подпрыгнул и начал тереться о ногу Янь Сюя, затем запрыгнул на его тапок и крепко ухватился. Он вспомнил, как только что вылупился, и Янь Сюй хотел разбить его скорлупу. Это напугало Дань-Даня, поэтому он всегда вёл себя очень хорошо. Сегодня он решил сам помыться, но в ванной было слишком скользко, и он отправился на кухню, чтобы помыться в раковине.

Только он не ожидал, что разобьёт тарелку. Дань-Дань испугался до дрожи, сжимаясь на ноге Янь Сюя.

Янь Сюй вздохнул, поднял яйцо на руки. Он не знал, где у яйца лицо, а где зад, поэтому мог только обнять его и сказать в верхнюю часть:

— В следующий раз не делай этого сам. Что, если бы ты разбил не тарелку, а свою скорлупу?

Дань-Дань вздрогнул, словно только сейчас осознал такую возможность, и ещё сильнее вжался в объятия Янь Сюя, пока не почувствовал себя в безопасности.

Янь Сюй положил яйцо на кровать в своей комнате. Он жил в однокомнатной квартире с кухней и ванной, которой хватало для одного человека. Теперь, с яйцом, они спали в одной постели. Раньше он сделал для Дань-Даня гнездо из картонной коробки, выстелил его мягкой старой одеждой и ватой, но яйцу это не понравилось. На следующее утро он обнаружил яйцо в своей постели, прижавшимся к его животу, и, судя по всему, оно спало очень сладко.

«Тук-тук-тук» — кто-то постучал в дверь.

Янь Сюй сказал Дань-Даню:

— Пришли гости, не выходи.

Яйцо покачалось, словно кивая.

Через глазок Янь Сюй увидел женщину лет тридцати с рыжими волосами, слегка выступающей челюстью — не красавицу, но и не уродливую. Она была одета в рубашку с цветочным принтом и держала в руках тарелку печенья с кремом.

Янь Сюй открыл дверь и улыбнулся:

— Тетушка Чэнь, печенье, которое вы дали в прошлый раз, я ещё не доел.

Тетушка Чэнь улыбнулась. Её голос был тонким и высоким, но тихим:

— Твой брат Чэнь сегодня захотел печенья, я сделала немного больше, вот и принесла тебе.

Она протянула тарелку с печеньем, на которой лежала маленькая вилочка. Янь Сюй взял её и поблагодарил.

— У тебя есть планы на вечер? Брат Чэнь спросил, не хочешь ли ты прийти к нам на ужин. Я купила говядину и картошку, а ещё молодую кукурузу, которую ты любишь.

Тетушка Чэнь держалась за край своей одежды — она была скромной женщиной и редко говорила так много.

Янь Сюй кивнул:

— У меня есть бутылка Маотай, брат Чэнь уже давно хотел её попробовать, я принесу.

Тетушка Чэнь вдруг добавила:

— Кстати, дом напротив, кажется, продали. Говорят, новый хозяин заезжает завтра, у нас будет новый сосед.

Янь Сюй слегка удивился, но сказал спокойно:

— Через пару дней познакомимся, может, он окажется хорошим человеком.

Взгляд тетушки Чэнь слегка помрачнел, потом она добавила:

— Приходи в шесть, я в половине шестого пойду за Сяо Дуньэром.

Янь Сюй кивнул. Брат Чэнь и тетушка Чэнь жили на одном этаже с ним, они переехали в один год. Супруги были очень дружны, у них был шестилетний сын, который учился в первом классе. Брат Чэнь был грубоватым, говорил громко, а тетушка Чэнь, напротив, была мягкой и скромной — они прекрасно дополняли друг друга.

Когда Дань-Дань оставался один дома, он вёл себя очень тихо, словно понимал, что, если случится беда, его никто не защитит.

— Дань-Дань, будь хорошим сторожем, — погладил Янь Сюй гладкую голову яйца.

Яйцо, расстроенное тем, что папа уходит, снова оживилось, подпрыгнуло несколько раз, словно отвечая: «Дань-Дань очень хороший, Дань-Дань отлично сторожит».

Брат Чэнь был крепким мужчиной с мощными мышцами и громким голосом. Когда он выпивал, его речь становилась настолько громкой, что, казалось, могла оглушить Янь Сюя. Но было одно хорошее качество — он никогда не обнимал Янь Сюя за плечи и не говорил что-то вроде «настоящая дружба — это выпить до дна». Он мог пить один и быть вполне довольным.

Сяо Дуньэр был пухлым мальчиком, которого родители откормили до белизны. Он всегда носил маленькую жёлтую шапочку, которую не снимал даже дома. Мальчик хорошо знал Янь Сюя и вежливо поздоровался:

— Дядя Янь, — после чего мама увела его в ванную мыть руки перед ужином.

На ужин подавали картошку с говядиной, салат из потрохов и кукурузу с перцем. Блюд было немного, но порции были щедрыми. После двух рюмок Янь Сюй покраснел и махнул рукой:

— Я больше не могу, голова кружится, если выпью ещё — опьянею.

Брат Чэнь громко рассмеялся:

— Мужчина с плохой выдержкой к алкоголю — это никуда не годится. Когда я работал в продажах, мне приходилось пить по пять кругов в день — пиво, вино, всё подряд. Сначала каждый день рвало, а теперь, если не выпью, чувствую себя не в своей тарелке.

— Я действительно не могу, не переношу алкоголь, — сказал Янь Сюй. Эта бутылка Маотай была подарком от редактора журнала в прошлом году на Новый год.

— У Сяо Яня слабая голова, пейте поменьше, я принесу сливовый сок, он помогает от похмелья, — улыбнулась тетушка Чэнь, принося очередное блюдо. Сяо Дуньэр сидел рядом с ней, выбирая кусочки говядины и откладывая петрушку в сторону. Картошку и кукурузу он даже не трогал.

— Говорят, новый сосед — мужчина, — начал брат Чэнь. — Я слышал, что это какой-то большой босс, богатый. Непонятно, зачем ему жить в нашем жилом комплексе. Большие боссы обычно живут в двухэтажных виллах и ездят на тех роскошных машинах, которые жрут бензин. Вот это жизнь! Если бы у меня были деньги...

Сяо Дуньэр и Янь Сюй смотрели на него.

Брат Чэнь почесал затылок и засмеялся:

— Я бы всё равно остался здесь. Золотой дворец — хорошо, а свой дом — лучше.

— О чём это ты опять говоришь? — спросила тетушка Чэнь, принося сливовый сок и ставя его перед Янь Сюем. Он поблагодарил её, а она махнула рукой:

— Пустяки.

После сытного ужина и выпивки осталась половина бутылки Маотай, которую оставили брату Чэню. Тот был так рад, что трижды крикнул:

— Настоящий друг!

<http://bllate.org/book/15574/1386671>